

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ВПЕРЕД, НА АЗИЗБЕКОВА, 19!

(Другу и о друге в день его рождения)

*Когда-то дом и светел был, и нов.
Почти как замок – вид такой картинный...
И принимал здесь доктор Иванов,
На Воронцовской угол Карантинной.*

Александр Грич

Ни в коем случае, Сашок, не назад на Азизбекова, 19, хотя улица теперь называется в честь писателя и драматурга Ислама Сафарли, да и ты давно уже живешь не только в другом доме, но и в другом полушарии. Назад – это значит в прошлое, а мы уже в том возрасте, когда всю коллекцию былых острых чувств, бурных радостей и мелких горестей жаждешь перенести в будущее; когда на окружающую действительность поглядываешь досадливо: не так плотно бы ты, родимая, меня окружала!

Итак, вперед и только вперед!

К тебе, на Азизбекова, 19!

**Не коммунальные квартиры в ряд –
Гостиная, знакомая едва ли...
Витые свечи в полутьме горят,
И женщина играет на рояле.
Спадает с плеч причудливая шаль,
И музыка – как будто наважденье.
Поет рояль! Он продан был – как жаль.
За двадцать лет до моего рожденья.**

Александр Грич

Рояль, о котором написал Саша, стоял в гостиной на третьем этаже дома номер 19 (дома Меликова) на Воронцовской – первом в Баку здании готического стиля, выстроенном по проекту Юзефа Гославского, городского архитектора, назначенного на должность в 1892 году, в возрасте 27 лет, и пробывшего в ней до ранней своей смерти в 1904-м; впрочем, за эти двенадцать лет успевшего необычайно много.

Достаточно вспомнить здание мэрии Баку и дворец Тагиева.

А знаменитый офтальмолог, доктор Вячеслав Евгеньевич Иванов, выйдя в отставку полковником, что «по табели о рангах» в системе медицинской службы царской армии предполагало квалификацию ого-го какую, стал практикующим врачом и занял со своей семьей весь третий этаж этого дома. Медицинская одаренность доктора Иванова «передалась» не столько дочерям его, сколько зятю, мужу младшенькой, Людмилы, который тоже стал полковником, но уже Красной (Советской) армии и во время Отечественной войны возглавлял все госпитали Азербайджана и Дагестана. А школьный мой друг Саша-Сашок-Сашка как раз и есть сын Романа Давидовича и Людмилы Вячеславовны, замечательного инженера-нефтепереработчика, автора многих учебников по нефтехимии.

О квартире на третьем этаже дома на Азизбекова, 19, о Людмиле Вячеславовне и Романа Давидовиче, о Славе, Шашином старшем брате, будет еще рассказано. О Саше же – сказано и рассказано гораздо больше, только вот перечислять его неоспоримые и значимые достижения я не стану, достаточно отгуглить «Александр Грич», и все станет ясно. Но без фрагментов его стихов обойтись никак не смогу: друг-сотоварищ по учению и хулиганским проделкам – это одно, а Александр Грич – это совсем другое, это поэт из разряда самых что ни на есть настоящих, во всех строчках неподдельный и ни в одной из них ни под кого и ни под что не подделывающийся. А еще лучше сказала прочитавшая юбилейный сборник Александра Грича поэт Юлия Санина: «Такая простота при такой точности и убедительности требует незаурядного дарования и высочайшего мастерства!»

В школьные наши годы о доме номер 19 на улице Азизбекова, то бишь Воронцовской, как ее по привычке называли мои родители, да и вообще все бакинцы со стажем, я знал только, что в нем живет Саша. «Предыстория» же Шаши для меня обрывалась на Людмиле Вячеславовне, дома бывавшей редко, – во всяком случае, лишь в очень немногие из очень частых моих набегов к приятелю я с нею встречался, – и Романа Давидовиче, он, полковник медицинской службы, «попадался» мне еще реже. О деде, тоже полковнике, но армии, о которой часто говорить в те времена не стоило, я не знал ничего. Оно и понятно, бабушки-дедушки детей и подростков интересуют только в смысле «побаловать», а если этого смысла нет, то с какой стати о них вспоминать?... Но был бы тогда проницательнее, задался бы вопросом, почему в коммунальной квартире только одна большая комната у самого входа принадлежит Шашиной семье, однако и это меня в те годы интересовало мало. Впрочем... я сказал «большая»? – нет, огромная комната, и двумя перегородками в ней были выделены спальни: справа – братьев, Славы и Шаши; слева – Людмилы Вячеславовны и Романа Давидовича. Так вот, знал бы об офтальмологе Иванове, догадался, что квартира, в которой мне и многим нашим общим с Сашей приятелям было так уютно, располагалась в бывшей приемной-кабинете практикующего врача, а из вместительного парадного холла на внушительную коммунальную кухню вел направо коридор, куда выходили жилые комнаты, в советские времена занятые соседями.

Что ж, жилищная «экспроприация экспроприаторов» по всей необъятной нашей Родине проходила одинаково: их «уплотняли». И если «экспроприаторам» везло не быть расстрелянными, не помереть на принудительных работах или от сыпного тифа, то они оставались жить в бывшей своей квартире, в результате «уплотнения» ставшей, как тогда говорили, «многосемейкой». Но в Баку власти, тем паче по отношению к уважаемым врачам, были милосердны: оставляли для проживания площадь более или менее пристойную; в Северной же Пальмире я видел бывшую квартиру машиниста Николаевской железной дороги (*победившие ленинцы ту прослойку пролетариата, что считалась в силу своей квалификации рабочей аристократией, тоже зачислили в разряд экспроприаторов. Тем паче, что именно ВИКЖЕЛЬ, исполком профсоюза железнодорожников, первым в России сказал большевикам: «Пошли вон!»*), в которой потомки его занимали самую темную комнату – ту, где когда-то жила имевшаяся у жены машиниста кухарка...

В общем, мечта профессора Преображенского получить такую бумажку, чтобы никакие Швондеры не смогли бы его «уплотнить», для доктора Иванова не осуществилась; так же, как осталась она бесплодной для высококвалифицированных рабочих, которых быстренько прижали к ногтю ударники и ударницы, горластые алкоголики «Стахановы» и «Виноградовы», любимцы и любимицы Сталина. Но вот еще что о квартире на Воронцовской (Азизбекова), 19: среди соседей была Домаша (уменьшительное от популярного на Урале имени Домна), нянчившая, думаю, еще дочерей доктора Иванова, а потом и Славу с Сашей – они на день ее рождения

умиляли старушку песней «Живет у нас Домаша, такая няня наша...», – а еще жила азербайджанская семья, многочисленная, но настолько тихая, что ее присутствие, вполне законное и полноценное, практически не ощущалось, по крайней мере, мною и многими другими шумливыми Сашиними гостями.

Теперь-то я думаю, что соседи эти еще и в пятидесятые-шестидесятые годы остаточно стеснялись своего произошедшего в двадцать четвертом «внедрения» к доктору Иванову, когда у него отобрали гостиную, и рояль, в ней стоящий, пришлось продать... хотя, может быть, столь «тонкий психологизм» мой отдает явной литературщиной. И все же: в Баку уважение «народа» к интеллигенции было искренним, и «комплекс вины» соседям Сашиним вполне мог быть присущ. Кстати, и интеллигенция относилась «к народу» без малейшего высокомерия – во всяком случае, у двери на третьем этаже знаменитого дома в готическом стиле таблички с извещением, какому из жильцов сколько раз звонить, не было, пришедшие просто звонили, а открывал им тот, кто оказывался ближе; чаще всего, в силу расположения комнат, – Саша.

**Менялось все вокруг, как век велел,
Нет измененьям счета и предела.
Но дом мой, как ни странно, уцелел,
Когда почти ничто не уцелело.
И, значит, у него свои права
Среди сооружений самых новых:
Ведь память мощных стен его жива,
А тихий поскрип половиц дубовых
Вдруг воскресит забытые шаги,
Иные времена, иную пору...**

Александр Грич

Давай, Сашка, представим, будто 13 декабря в этом году приходится на субботу, стало быть, уроков немного, по домам можно чесануть пораньше, а там скинуть надоевшие школьные мундиры, надеть чистые рубашки и, почти бегом, на Азизбекова, 19!

Подарок под мышку – а в этом году он драгоценен: директор книжного магазина в Локбатане, где находится управление треста нефтеразведки, в котором начальствует мой отец, уважил «дорогого Зиновия Марковича» и достал для него в Баку не один, а два экземпляра «Двадцать лет спустя» – ведь Марику, мальчику дорогого Зиновия Марковича (мне, то есть), скоро идти на день рождения к сыну тоже очень достойных родителей (к тебе, Сашок, то есть), чтоб все были здоровы, иншалла!

Касательно содержания «Трех мушкетеров» мы с тобою, Сашок, считались в нашем 4-А классе знатоками высочайшего уровня, но то, что Dumas-Pere, Дюма-отец, азартный погонщик литературных негров, продолжил приключения четверых друзей, их любовниц и детей еще на тридцать лет и четыре толстых тома, мы узнали совсем недавно. Поэтому сразу же после того, как я болтанул, что в охоту за «Двадцать лет спустя» включился неутомимый директор магазина в Локбатане, за нами, Сашок, как ты помнишь, выстроилась очередь на прочтение.

Но я к понедельнику свой экземпляр дочитаю, а ты и твоя ватага пусть краткое, но заметное время будете продолжать передавать книгу друг другу, так что мы раньше и лучше подготовимся к битвам – не в прежних надоевших ролях мушкетеров и гвардейцев кардинала, а в новых: «французы-роялисты vs англичане-парламентаристы».

Черт возьми, Сашка, то ли я сильно копался дома, то ли слишком замедлял шаг, рисуя в воображении, как, сражаясь в качестве французов-роялистов, моя ва-тага спасает-таки незадачливого слюнтяя Карла Первого, Стюарта; или наоборот, как, став англичанами-парламентаристами, мы сносим головы не только ему, но и всем прочим Стюартам, а затем Оранским, Ганноверским... хорошо еще, что путь мой от Тверской, 52, до Азизбекова, 19, не очень длинен, не то огребли бы неприятности и поныне здравствующие Виндзоры... так вот, до моего появления ты уже успел встретить и Эльдарчика Кримана из дома «Каспара» (*дом Каспийского пароходства, расположенный на набережной – это один из первых в Баку жилых домов советской эпохи*), и Эминчика Алиева из Дома ученых, и Шурика Тверецкого с Лебединского переулка, а уж Ниязи Мамед-заде, жившему в 6-м Коммунистическом переулке, и Лене Прилипко с Буйнакской до тебя вообще два шага... в общем, пришел я последним. Торжественно вручил том Дюма и включился в увлекательную игру, которая проходила в твоей и Славы спальне. Кровати ваши и письменные столы переместились влево, так что справа образовалась довольно просторная игровая площадка. Над нею с натянутой бечевы свешивалось на нитке небольшое яблоко, выглядевшее до невозможности аппетитно – один бочок был пунцово-румяным, второй же обещал любимую мною сочность и кислинку «белого налива». А требовалось всего ничего: держа руки за спиной, поймать ртом яблочко и надкусить его.

Приключения в Англии д'Артаньяна, графа де ла Фер (Атоса), шевалье дю Валлона (Портоса) и шевалье д'Эрбле (Арамиса), о которых среди всех пацанов знал только я, кружили мне голову и звали свершить подвиг прямо сейчас и прямо здесь, на Азизбекова, 19...

В общем, понятно, кто из всех нас вызвался быть добровольцем-надкусывателем.

Прикоснуться к плоду губами было легко, а ухватить его так, чтобы зубы успели впиться – зверски трудно, поскольку призывно яркий румянец был обеспечен тонким слоем помады Людмилы Вячеславовны, а белизна «белого налива» – ее же пудрой. Нос мой, в то время еще не «шнобель», но уже обещавший им стать, мои губы и щеки немедленно стали ярко-клоунскими, проклятое яблоко раскачивалось и вертелось на нитке, касаясь лба и бровей – впору было сдать... но я бросил взгляд на твоих, Сашка, родителей и старшего брата, стоявших чуть в стороне от вас всех, го-гочущих, и понял, что они-то за меня болеют и очень хотят, чтобы я как-нибудь выкрутился, справился... Может быть, чуть раскаиваются, что затеяли эту игру, условия которой нашли, наверное, в какой-то брошюре для массовиков-затейников, но понимают, как мне не хочется признавать свое бессилие – и не хотят, очень не хотят, чтобы я оказался бессилён.

И меня осенило.

Остановился...

– Сдается!!! – завопил кто-то из вашей кучки.

– Нет!!! – завопил я в ответ. – Заткнитесь!!!

И обратился к Роману Давидовичу:

– По правилам, я не должен касаться руками яблока, веревки и нитки. Так?

– Так, – подтвердил он.

– Яблока, веревки и нитки... – повторил я, – хорошо...

Достал из кармана брюк носовой платок, – спасибо тебе, умничка мама, что проверила перед моим уходом, есть ли он! – и принялся тщательно вытирать губы, подбородок, нос, зубы...

– Молодец, – звонко сказала Людмила Вячеславовна, – какой молодец!

Но мне мало было одобрения дочери и жены полковника, мне нужно было одобрение настоящего, большого командира.

– Я все делаю правильно? – спросил я у Романа Давидовича.

– Да, – ответил он, – ты все делаешь правильно.

...Два или три раза я пользовался платком, потом, когда уже весь он был в помаде и пудре, а яблоко все не поддавалось, вытерся рукавом рубашки.

Роман Давидович, Людмила Вячеславовна, Слава и все вы молчали. Ждали. Понимали – ведь понимали, Сашка, да? – что я буду вылизывать, обминать губами это чертовое яблоко, а потом вытираться не только рукавами, но, если понадобится, самой рубашкой. И брюками, и носками, и майкой, и трусами... что меня нельзя останавливать, что меня невозможно остановить, что я либо сдохну, либо надкушу.

Надкусил. После того, как были полностью загвазданы оба рукава.

Роман Давидович восторженно хлопнул меня по спине... думаю, что для аристократичного, строгого полковника, галантного джентльмена, упоминая которого – точно знаю – закатывали глазки многие Славины сверстницы, это было непривычно пылким проявлением чувств.

А Людмила Вячеславовна и Слава повели меня полутемным коридором в ванную, такую вместительную, что даже две пузатые лампочки под потолком светом ее не заливали.

Они вели меня, как ведут с ринга победившего в тяжелом бою боксера – да от медленно отпускающего напряжения меня и вправду пошатывало, а челюсти от долгого распахивания ныли, как от пропущенных хуков слева и справа, – но во рту моем был вкус победы и помады, а в носу щекотало то ли от слез облегчения, то ли от проникшей в него пудры.

– Ничего, ничего, – повторял Слава, – сейчас тебя отмою, станешь свеженьким. Потом наешься до отвала, как положено победителю, – уж Домаша постарается, чтобы наелся...

И отмыл-таки! И дал надеть какую-то твою, Сашок, рубашку, как сейчас помню, ничуть не менее нарядную, чем была в тот день на тебе.

А мама твоя тем временем взболтала в тазу с горячей водой содержимое двух столовых ложек густого раствора из специальной банки, в которой днями и ночами раскисали настроганые из желто-коричневых брусков полоски хозяйственного мыла... такие банки, наряду с банками окаменевшей каустической соды, стояли у всех хозяек – ведь стиральных порошков и отбеливателей тогда еще в помине не было...

Смешно, наверное, Сашка, слышать нашим детям и внукам, что в 56-м году, когда раскрасневшийся от собственной смелости Никита Хрущев чуть приподнял пропитавшийся кровью занавес, за которым даже зажмурившиеся не могли не увидеть чудовищные горы трупов, истерзанная войной и репрессиями страна не представляла, что стирать можно еще чем-то, кроме раздражающего кожу хозяйственного мыла...

...Когда брат твой вывел меня из ванной, на двух конфорках газовой плиты уже раскалялись огромные утюги – это Людмила Вячеславовна готовилась высушивать и отглаживать мою застиранную рубашку и носовой платок... ведь первые электрические утюги появились в Советской стране только в начале 50-х, спираль в них часто перегорала, нагрузки на сети при пользовании ими были чрезмерными, и пробки вышибало – будь здоров.

Так что долго еще гладили тяжелыми, разогреваемыми на плите утюгами, благо газ в Баку не сэкономили.

В коридоре, когда шел обратно в комнату, где вы, забыв о моем сражении с яблоком, уплетали за все имеющиеся в наличии щеки, исходящие от праздничного стола запахи встретились в районе моего носа с догнавшими меня ароматами из кухни – вот что было сродни крепкому нокдауну!

А когда вернулся домой, мать удивилась, почему это рубашка на мне странно свежая.

– Неужели ни с кем не боролся, на полу не валялся, ничего на себя не опрокидывал?

– Нет, – старался я уклониться от подробностей.

Не тут-то было, от мамы моей поуклоняешься!

– А чем весь вечер занимался?

– Со Славой разговаривал.

– О чем?!

– О химии. Он на химика учится, как наша Наташа. Только она в Ленинграде, в Техноложке, а он здесь, в АЗИИ (*АЗИИ – Азербайджанский индустриальный институт; так назывался, – до войны официально, а потом в обиходе, – Азербайджанский институт нефти и химии, деливший славу лучшего нефтяного вуза страны с Московским имени Губкина, в просторечии, «керосинкой»*).

– Да знаю я все про Славу, только почему ты с Наташей о химии не разговариваешь, когда она на каникулы приезжает?

– Ей что, до меня дело есть, когда она на каникулы приезжает? Даже и не смотрит в мою сторону!

... Еще и наябедничал – мерзавец – на обожающую меня сестру!

Сашок, всю жизнь потом я стремился крепко целовать женщин в ярко окрашенные губы, пусть даже они, экономя косметику и боясь оставить на мне «компрометирующие» следы, не всегда это одобряли...

А меня пьянили не столько поцелуи, сколько воспоминания о яблочно-помадном вкусе победы!

**Какие времена неблизкие!..
Десятый класс. Бульвар. Вода.
Но все, что было дальше – присказка,
А сказка кончилась тогда.
Устроенная жизнь законная
Ведет меня. Но как-то, вдруг,
Проснись от шума законного,
Усталый, выйду. Дождь вокруг.**

Александр Грич

Нет-нет, Сашок, еще не десятый класс, а только четвертый, и сказка только началась: «В некотором царстве, в некотором государстве...».

А в нашем с тобою государстве царь-тиран был недавно сброшен в преисподнюю, ужас ушел, правда, страх остался, но нас это касалось мало, мы были потрясены другим. Тем, что отменили раздельное – мужское и женское, мальчишковое и девчачье – обучение, и в школе нашей, держась на переменах особняком, девчонки оценивали нас теми пристреливающимися взглядами, которые этот удивительный пол отрабатывает сызмальства, на куклах, что ли? Во время урока не с кем стало играть в «морской бой», поскольку рядом не пацан, такой же раздолбай, как ты сам, а соседка, существо малопонятное, которое если и уговоришь сразиться, то не пихнешь по ходу битвы изо всех сил в бок: «Уснул?! Бей или сдавайся!»

Но кто ж тогда сдавался-то?! Такого не бывало, бились до последнего «одноклеточного», если в «морской бой», до последнего хода, если в шахматы, до последней минуты, если в футбол. А когда сидели за столом у тебя на Азизбекова, 19,

или у меня, на Тверской, 52, или у Эльдарчика в доме «Каспара», то – не бились, конечно, – а взалхлеб рассказывали что-нибудь, утрируя и гипертрофируя до накала мюнхгаузенски-тартареновского, пока кто-то не выдерживал... чаще других это был, как ни странно, Шурик Тверецкий, не склонный к художественным преувеличениям, хотя ему-то, сыну балерины и превосходного оперного режиссера, жить в вымысле вроде бы сами гены велели!.. не выдерживал и не опускал на землю: «Ну, ты совсем заврался!»

Но вот и я уселся, наконец, за стол, залпом выпил чашку яблочного (опять яблочного!) сидра, временно ублажил желудок закусками и застыл в ожидании над окутанной паром тарелкой Домашиных пельменей. Настоящих, уральско-сибирских, но с бакинским фаршем из говядины и баранины, слегка сдобренным перцем и суахом. Пусть немного остынут, а пока вступлю-ка я в общий треп.

Чем из будущего, ближайшего и далекого, мы поразим одноклассников, Сашка?
В чем признаемся?
Чем похвастаемся?

Давай-ка, начну я с того, как невыносимо жарким бакинским июлем следующего года, оказавшись в Нальчике – ты с папой, я с мамой и приехавшей из Ленинграда сестрой, – мы заприметили безобидного доцента из Москвы, одиноко скучающего в какой-то помпезной здравнице.

Заприметили – и назначили ему быть американским шпионом.

То, почему для делящейся изо дня в день игры нам был необходим именно шпион – очевидно: все возможные вариации на темы «Двадцать лет спустя» были к окончанию учебного года отработаны, да и при обилии действующих в романе лиц исполнителей у нас с тобою в Нальчике было маловато: ты, да я, да мы с тобой...

Бред же, изложенный в недавно прочитанной книжонке под названием «Над Тиссой», стучал в наши сердца сильнее, нежели пепел Клааса – в сердце Тиля Уленшпигеля...

Задание ЦРУ, полученное доцентом, которому мы, не мудрствуя лукаво, присвоили кличку «Магелланус» (ты, Сашок, чай, забыл, почему именно такую? – на-помню: вредоносный Ральф Кларк из «Над Тиссой» имел кличку «Колумбус». По поводу американского имени и фамилии доцента мы с тобою не заморачивались, а вот аналогия «Колумбус» – «Магелланус» напрашивалась сама собою), состояло, по нашей версии, в следующем:

– на самой вершине Эльбруса, находящегося неподалеку от славной столицы Кабардино-Балкарии, расположена советская зенитная батарея с новейшими орудиями («А можно ли надежнее защитить мирное небо Кавказа от налета американских бомбардировщиков, – мыслили мы, – чем шмалять по ним с самой высокой вершины? Нельзя!» Логически безупречные рассуждения, убедительные, как мне кажется, и для чинов Генштаба!);

– морально разложившаяся жена замученного боевыми ранениями, а потому потерявшего бдительность командира батареи выкрала из сейфа мужа и сфотографировала схему расположения зениток на вершине Эльбруса и подробнейшее описание систем прицеливания (чины ЦРУ, – полагали мы великодушно, – не глупее нас и понимают, что без хорошего прицела орудие – это пукалка для салюта);

– жена командира батареи должна спуститься с Эльбруса и вручить фотографии Магелланусу, сидящему в одно и то же время на одной и той же скамейке и якобы отдыхающему после променада в нальчикском парке.

Мы, прежде чем прийти к окончательным выводам, все же побеседовали с Магелланусом. Как бы невзначай побеседовали, вроде бы о том, о сем, а он, не распознав в нас опытных контрразведчиков, разоткровенничался. Поведал, в частности, о том, что живет в Нальчике скучно, считает дни до отъезда (*«Встреча с морально разложившейся все ближе!» – обменялись многозначительными взглядами опытные контрразведчики*), а работает доцентом кафедры оптики и спектроскопии физфака МГУ (*теперь, согласно веяниям времени, в названии кафедры прибавилось «... и физики наносистем»*). Тут от восторга нас стало расpirать. Что такое «спектроскопии», мы не понимали, но оптика! Конечно, оптика!!! Кто, как не специалист по оптике, сможет с первого взгляда понять ход лучей в системе линз и зеркал прицела!

Даже сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, не могу не признать разработанный нами план операции безукоризненным. Мы перекрывали подходы к скамейке с двух сторон аллеи: один из нас прятался в кустах метрах в пяти-шести справа, второй сидел через одну скамейку слева и, как бы не замечая Магеллануса, занимался привычным для бойцов группы захвата делом, то есть задумчиво ковырял в носу. Тот, с кем поравнялась бы женщина в тяжелых альпинистских ботинках (не забудем, она только что спустилась с Эльбруса!) и с бюваром в руках, – типичным бюваром, в котором парковые фотографы носили портреты отдыхающих, соблазненных призывами запечатлеться на фоне романтических горных вершин, – должен был повиснуть на ней с воплем «Милиция!», другой же, с аналогичным воплем, должен был путаться под ногами старающегося сбегать пузатенького Магеллануса.

Этой поимке на месте преступления американских агентов суждено было упоминаться в учебных пособиях всех сысков мира, однако, разомлев от послеполуденного зноя во время одной из засад на скамейке и в кустах, мы чересчур поспешно сглотнули потом по порции пломбира... ангины были недолгими, но после выздоровления Роман Давидович и моя мама не отпускали нас от себя ни на шаг. Доцент же Магелланус, волею случая и наших родителей освободившись от плотной слежки, исчез. Наверное, трусливо укрылся в своем логове на физфаке МГУ.

Вскоре уехали и мы. Попастъ на поезд Кисловодск-Баку можно было, лишь отсидев до глубокого вечера на станции Прохладная – отсидели, куда ж денешься. Я спал, привалившись к маме, ты – к Роману Давидовичу, голос женщины-диспетчера громко и грозно принимал и отправлял поезда и составы, рассылал по путям и тупикам маневровые паровозики, а мне сквозь сон мерещилось, будто это Родина-мать укоряет нас за то, что непотребное наше обжорство помешало предотвратить утечку сверхсекретных сведений.

Что ж, уже можно положить в рот первую пельменину...

Потрясающе!

А следом, еще чуть присыпав сверху сумахом, вторую... третью... четвертую... Уф-ф!

Передохну и расскажу нашим приятелям кое о чем из той поры, когда пубертатность в биохимию наших организмов сперва деликатно вмешивалась, а затем стала уверенно в них хозяйничать.

И первый сюжет – совсем простенький, связанный с тем, что в твоём доме появился комплект пластинок с полной записью оперы «Пиковая дама».

В ней нас наиболее проняла баллада Томского о трех картах, причем тобою тут же было заявлено, что исполнять этот шедевр на той немногочисленной публике, которая согласится нас слушать, будешь именно ты. Я не возражал, говоря, что это справедливо, поскольку у меня уже есть «коронка» – ария «Куда, куда, куда вы удалились...» из «Евгения Онегина», другого гениального творения Петра Ильича Чайковского, но, Сашка, – пора мне в этом признаться, – то была лживая версия.

А вот правдивая: я с удовольствием обменял бы Ленского на Томского, если бы понимал, о чем идет речь в ключевом месте баллады:

**Граф, выбрав удачно минуту, когда
Покинув украдкой гостей полный зал,
Красавица молча сидела одна,
Влюбленно над ухом ее прошептал
Слова, слаще звуков Моцарта:
«Графиня! Графиня!
Графиня, ценой одного рандеву
Хотите, пожалуй, я вам назову
Три карты, три карты, три карты?»**

Потом, как ты помнишь, графиня, вспылив, послала его подальше, однако через день, явившись играть без гроша в кармане:

**Она уже знала три карты...
Их смело поставив одну за другой,
Вернула свое... но какую ценой!**

(Для меня Петр Ильич Чайковский – один из величайших композиторов в истории человечества, но при этом я не устаю писать и говорить о громадном таланте его брата, Модеста Ильича, тонкого поэта и драматурга, автора либретто «Пиковой дамы» и божественной «Иоланты».)

Так вот, здесь, то есть в тот момент, когда находящаяся на сцене (в Летнем саду) группа слушающих Томского офицеров издает смешок «Ха-ха-ха!», ты всегда делал такое понимающее лицо (уместно даже сказать – блудливое лицо), будто досконально знал, что такого особенного происходило во время рандеву, за какие такие коврижки граф назвал графине заветные «Тройка, семерка, туз», и какую особенную цену «заплатила» за это она – «Venus moskovite», «Венера московская».

«Конечно, – думал я, – ему повезло родиться на полгода раньше меня, и все, что надо, он от родителей или от Славы уже узнал, а теперь, мерзавец, задается и скрытничает. Друг называется!»

Сашка! Так я думал тогда, но сейчас хочу знать точно: ты действительно уже в пятом классе понимал цену всего одного рандеву с московской красавицей?

Или прикидывался, потешаясь в душе над моей доверчивостью?

В зависимости от твоего ответа, я расставлю акценты в своем рассказе так, чтобы приятели наши, сидящие вместе с нами за столом на Азизбекова, 19, посмеялись либо над моей тогдашней глупостью, либо над моим тогдашним невежеством, но уж хотя бы не над тем и другим одновременно...

Нет, Домашенька, не нужно добавки, больше в меня не полезет. Да-да, конечно, перебил аппетит тем чертовым яблоком...

Теперь о том, каким ты в восьмом классе оказался успешным телефонным ухажером – и когда успел этих навыков нахвататься?... или рожден с ними был?

Но я, Сашок, тебе нисколько не завидовал, в отличие от случая с балладой Томского.

Тем более, что был соучастником успеха – как массажист, разминавший боксера перед боем, как секундант, помогавший ему передохнуть в короткую минуту перерыва между раундами.

Так в чем же был успех?

Ее звали Света Баринаова (*Много-много позже, в самом начале 90-х, когда обрушилась казавшаяся нерушимой страна, Светлана Николаевна Баринаова, доцент Азербайджанской консерватории имени Узеира Гаджибекова, создала Центр русской культуры, который стал средой духовного комфорта для всех тех, кто хотел, как ни лютовал в те годы Народный фронт, помочь сохранить и развить вековые азербайджанско-русские связи. К счастью, Гейдар и Ильхам Алиевы, Президенты Республики Азербайджан, хотели и хотят того же, Центр, пользуясь их поддержкой, стал влиятельной на Кавказе, в Закавказье и в России некоммерческой общественной организацией, а Светлана бесценно возглавляла его до самой своей безвременной кончины в мае 2013 года.*), училась она в девятом классе – и тебе улыбнулась.

Я же, стоя в сторонке и наблюдая пристально, воспринял эту улыбку, как овацию, доля которой, – пусть даже крохотная, – предназначена мне.

Покорить сердце красавицы ни ты, ни я, ни мы вместе не рассчитывали (да и что бы с этим завоеванным сердцем делали – Ты? Я? Мы вместе?), поэтому цель ставилась достижимая – заинтересовать красавицу. Телефон ее семьи был в городском справочнике, и вот как-то весною мы пошли ко мне домой – до него от школы было ближе, чем до твоего – и, по молчаливому, но не преступному сговору, ты недругнувшим пальцем (браво, хладнокровный друг мой!) пять раз прокрутил диск в нужном порядке.

На штабных наших с тобою учениях было решено не представляться, а мистифицировать, поэтому заговорил ты голосом слегка уставшим, как человек, уже звонивший всем абонентам справочника из раздела «А» и только что принявшийся за раздел «Б». А вот Света, как мне показалось, была искренне рада оттянуть время приготовления уроков и потому зашебетала охотно, высказывая предположения, кто именно из многочисленных жаждущих ее завоевать морочит сейчас ей голову. Тяготина из ее вопросов «Ты – Тофик? Вася? Намик? Наум? Володя? Рауф? Карен?...» и твоих однотипных ответов: «Нет. Промах. Не угадала...» длилась довольно долго, и Света начинала понимать, что звонит не десятиклассник – что желаемо, не девятиклассник – что приемлемо, а «возомнившая о себе» мелюзга-восьмиклассник, что явное «Фи!»

Но у нас, как сейчас говорится, был план «Б» (совпадение с первой буквой фамилии Светы следует считать случайным), и, согласно ему, ты произнес: «Хочешь, я тебе стихи читаю? Те, которые в школе не проходят...».

Напоминаю: шел 1960 год. Поэзия собирала полные стадионы, а в Баку недавно приезжала группа московских поэтов, и среди них сам Роберт Рождественский! – конечно, Света ответила «Хочу!»

И я начал работать «переворачивателем нот», вернее, держателем книг перед твоими, Сашок, глазами. Первым последовало киплинговское «Если...». Потом Эмиль Верхарн – заинтересовывать девушку, так заинтересовывать! Потом Леонид Мартынов... потом Борис Слуцкий... потом...

Подобные «общения» продолжались недель пять – Света оказалась жадной слушательницей. Но мы-то стали понимать, что загнали себя в ловушку: запас стихов, способных поразить воображение красавицы, начитанной в рамках обширной тогда школьной программы, стремительно таял, еще чуть-чуть – и пришлось бы перейти на «Наша Таня громко плачет...».

И тогда ты, Сашок, сыграл «ва-банк», задав вопрос:

- Так и не поняла, кто я?
- Вот еще! Давно поняла.
- Кто?
- Не скажу...

Долго вы препирались, потом договорились о способе проверки истинности ее догадки: не далее как завтра, во время большой перемены, она пройдет по коридору третьего этажа и, увидев «того, кого угадала», улыбнется ему так широко, чтобы сомнений не осталось – угадала!

Сдается мне, что шпионские страсти нас с тобою, Сашок, преследовали, и за прошедшие после Нальчика четыре года доцент Магелланус наше подсознание не покинул: на завтра ты встал у срединного окна длинного коридора... я напротив-наискосок... а Света прошла и тебе улыбнулась!

Несомненно, улыбнулась и, несомненно, тебе.

Действительно, широко, но не только.

А еще и ласково, но не только.

А еще и благодарно, но не только.

А еще и прощально, словно говоря: «Ты хороший мальчик, но я-то не девочка-сверстница. Был бы чуть постарше, тогда может быть... А так – не судьба...».

Летом я перешел в другую школу и потом, за все семь лет, пока не окончил университет и не уехал в Воронеж, ни разу ее не видел.

Не довелось...

О чем же, Сашок, еще вспомнить сегодня, собравшись на Азизбекова, 19?

О том, что Домаша, твои и мои родители, Слава, а следом за ними Эминчик, Шурик и Леня истаяли в густом тумане, в который мы с тобою, и Эльдарчик, и Ниязи пока еще – слава Богу! – не ушли и в который я очень не хочу уйти последним из вас?

Нет-нет, лучше о том, что улыбка Светы Бариновой словно бы сделала в истории нашей дружбы запись: «Конец первой главы», а вторая глава – о наших редких встречах – лучше всего описана словами Пушкина, обращенными к Горчакову:

**Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.**

Но Бог действительно троицу любит, и третья глава наполнилась для меня особым светом!

И я скажу об этом за столом на Азизбекова, 19, а если скептик Шурик Тверецкий засомневается: «Да ладно тебе, все так же любишь преувеличивать, ничего со времен 4-А класса не изменилось!», то расскажу в ответ, как, работая над романом «Шакспер, Shakespeare, Шекспир», никак не мог увидеть тот финал, без которого моя версия ответа на вопрос: «Кто же создавал шедевры Шекспира?» не будет убедительна.

Тут из Лос-Анджелеса в очередной раз позвонил ты, и я попросил:

– Сашка, возьми за основу финальный монолог Актера из «Бури» и сделай его прощальным, пронзительным и светлым! Без этого я роман не вытяну.

Ты спросил только:

– Размер поменять можно?

– Сашка, это будет монолог, который рожден был героями спонтанно. Он тогда, в 1612 году, не лег на бумагу, а исчез, и с той поры в пьесе фигурирует совсем другой вариант.

– Попробую, – ответил ты...

И уже утром на почте моей было ТО САМОЕ, ТО ЕДИНСТВЕННО НУЖНОЕ И ВОЗМОЖНОЕ, прочитав которое, я понял: роман получится!

Услышав это, Шурик станет совсем уже скептическим:

– Ты же математик, какой роман о Шекспире?! Саша – поэт, переводчик с азербайджанского, сценарист и продюсер знаменитого фильма о Гейдаре Алиеве, причем тут финальный монолог из шекспировской «Бури»?! Ты, Марик, совсем заврался!
И тогда я прочту это написанное тобою:

**Я отрекся от магии и перестал доверять чудесам,
И теперь я умею лишь то, что умею я сам.
Затихает на сцене придуманных лиц беготня...
Я завишу от вас, кто из зала глядит на меня.
Улыбнется ли враг мне, ответит предательством друг –
Все зависит от вас, ваших добрых отзывчивых рук:
Либо в зале молчанье, скучающие голоса,
Либо рукоплесканья наполнят мои паруса,
И корабль, воспарив, понесется к рассвету из тьмы, –
Нет без этого смысла в игре, что представили мы,
Чтобы вас позабавить... Я истины преподносил,
Не жалея уменя и голоса, воли и сил.
Только где же искусству предел, а желаньям – венец?
Если вы равнодушны – то, значит, актерам – конец.
Значит, мы не пленили ваш слух, не прельстили ваш глаз.
Значит, был ни к чему наш бесхитростный долгий рассказ...
Видно, только моление, только молитва одна
Искупить помогает грехи, очищает до дна.
Так помолимся вместе, об общей вине погрустим
И давайте друг друга навеки поймем и простим.
Чтобы каждый, оставшись один, этот миг вспоминал...
Милосердными будем друг к другу!
И это – финал.**

И тогда поверят все, а Шурик, всегда самый трезвый из всех нас, напомнит тебе:

– Твой день рождения – самый первый...

И это так, Сашок, старшой ты наш!

А потому не забудь: 8 мая – ко мне, на Тверскую, 52.

28 июля – к Эльдарчику, в дом «Каспара».

13 августа – к Ниязи, в 6-й Коммунистический переулок.

То-то повеселимся, Бог даст!

Гот вен гебн!

Иншалла!

Сашок, с днем рождения! Соля.